

К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

ИТАЛЬЯНСКИЙ МАРШРУТ Н. А. ЛЬВОВА В 1781 Г.

Основным источником сведений о путешествии Н. А. Львова в Италию в 1781 г. до сих остаются его собственноручные записи, сделанные в изящной книжечке (размер листа 11×16,5 см), хранящейся ныне в Рукописном отделе Пушкинского Дома.¹ Думаем, за этим текстом должно закрепиться название «Итальянский дневник», хотя в рукописи авторское заглавие отсутствует. Основная, наиболее интересная в историческом, литературном и искусствоведческом отношениях часть представляет собой связный текст и разделена на главки со следующими авторскими пометами:

«В Ливурну в другой раз приехал 1781-го года июля 7-го»² (л. 1—6 об.).

«Пиза — 10 июля 1781. Я поехал» (л. 9—11 об.).

«Субота. В Флоренцию в другой раз приехал 1781-го года июля 10-го дня» (л. 14—53 об.).

«Булония, 16 июля 1781» (л. 54—61 об.).

«1781 года 17 июля. Венеция» (л. 62—62 об.).

«В Вену в другой раз приехал 1781 июля 29-е, воскресенье» (л. 65—79 об.).

Как явствует из процитированных помет, Н. А. Львов не предназначал дневник для публикации. Знакомство с рукописью лишь подтверждает это — записи велись поспешно, «на скорую руку», видимо, по вечерам, когда дневные впечатления еще были свежи. Почерк поэтому порой крайне неразборчив, русский язык сменяется французским и итальянским, сокращения многочисленны и не всегда поддаются расшифровке, из слов подчас выпадают целые слоги («живосцы» вместо «живописцы», «мранный» вместо «мраморный», «подный» вместо «подобный» и т. п.), а из фраз — слова. В книжечке имеются также рисунки пером (виды Ливорно, Пизы, Флоренции,

¹ *Львов Н. А.* Путевые заметки // ИРЛИ, Р. 1, оп. 15, № 166, 99 л. В Пушкинский Дом рукопись поступила 26 июня 1964 г. от П. В. Губара. Об этом библиофиле и собирателе см.: *Казанков Б. Е.* Библиофил Павел Викентьевич Губар // Книга: Исслед. и мат. М., 1985. Сб. 51. С. 168—182.

² Дневник велся Н. А. Львовым с указанием дат по старому календарному стилю. Здесь и далее ссылки на эту рукопись даются в тексте с указанием листа.

Вены и т. д. — часть из них уже воспроизводилась), карандашные наброски и пометы, счета, разрозненные записи на французском языке (в том числе короткое стихотворение к портрету Е. М. Олениной и план письма на садоводческие темы), причем почти все они относятся к более позднему времени.

О существовании «Итальянского дневника» известно уже давно, однако не будет преувеличением утверждение о его фактической неизученности — общая оценка этого исключительно важного документа в ряду русских свидетельств об Италии XVII—XVIII вв.³ еще не была дана,⁴ нет информации о целях путешествия 1781 г., не прослежен маршрут Н. А. Львова, не проанализированы высказывания о европейской живописи и архитектуре и т. д. Вместе с тем путевые записи Н. А. Львова занимают исключительное место в русской культуре — это первое по времени свидетельство столь значительного художника об итальянском искусстве, позволяющее адекватно оценить силу его воздействия на русского путешественника именно благодаря тому, что записи не предназначались для публикации. Порой игривые, порой обманчиво наивные, а в действительности лукавые суждения достаточно полно отражают шкалу ценностей Н. А. Львова, его вкусы и пристрастия, приоткрывая тайну глубоко индивидуального мировосприятия одного из наиболее замечательных деятелей русской культуры XVIII в.

Заслуга первого обращения к «Итальянскому дневнику» принадлежит В. А. Верещагину, поместившему в 1912 г. в журнале «Старые годы» краткую статью о нем.⁵ Не обладая достаточными знани-

³ Перечислим наиболее авторитетные издания текстов и работы о них: Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе: 1697—1699 / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1992; Записка путешествия генерал-фельдмаршала российский войск графа Б. П. Шереметева в европейские государства, в Краков, в Вену, в Рим и на Мальтийский остров. М., 1773; Журнал путешествия по Германии и Италии в 1697—1699 гг., веденный состоявшим при Великом посольстве русским, к владетелям разных стран Европы // Русская старина. 1879. Т. 25. Вып. 5. С. 101—132; Куракин Б. П. Дневник и путевые заметки // Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб., 1890. С. 101—204; Шмурло Е. Ф. Поездка Б. П. Шереметева в Рим и на остров Мальту // Сб. Русского института в Праге. 1929. Т. 1/2. С. 5—46; Ошанина Е. Н. Дневник русского путешественника первой четверти XVIII века // Сов. архивы. 1975. № 1. С. 105—108. Общий обзор источников см. в кн.: *Lo Gatto E. Russi in Italia*. Roma, 1971. Необходимо также указать следующую статью, затрагивающую в той или иной степени интересующие нас проблемы: *Berelowich W. La France dans le «Grand Tour» des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIII-e siècle // Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1993. XXXIV (1—2), janvier-juin. P. 193—210. Из неизданных источников укажем в первую очередь письма Г. А. Демидову его сыновей Александра, Павла и Петра во время их длительного путешествия по Европе (1750-е—нач. 1760-х гг.: Германия, Австрия, Италия, Швейцария, Франция, Англия, Голландия). Они хранятся в Архиве СПб. ОИИ РАН в Петербурге, к печати их в настоящее время готовят Г. А. Победимова и П. И. Хотеев.

⁴ В книге Этторе Ло Гатто «Русские в Италии», суммировавшей все известное к тому времени о русско-итальянских связях, дневник Н. А. Львова даже не упомянут.

⁵ *Верещагин В. А. Путевые заметки Н. А. Львова по Италии в 1781 году // Старые годы*. 1909. № 5. С. 276—282; републиковано в книге Верещагина «Памяти прошлого». (СПб., 1914. С. 151—157). Далее ссылки даются на книгу.

ями ни о художественном наследии, ни об индивидуальной литературной манере Н. А. Львова, ни тем более об обстоятельствах его поездки, исследователь, процитировав из дневника большое количество отзывов о произведениях искусства, не перестает все же стесняться их свободной формы: «...записки Львова едва ли могут представить для нас какой-нибудь художественный интерес, но необычная, даже для XVIII века, форма, в которой выражены его мысли, настолько теперь кажется забавной, что она одна служит достаточным оправданием помещаемой заметки». ⁶

В. А. Верещагин также безосновательно считал, что преобладающей особенностью впечатлений Н. А. Львова от итальянского искусства «был, как это ни странно сказать, благодетельный, но напускной, очевидно, ужас перед изображениями обнаженного женского тела». ⁷ Далее исследователь вступал сам с собой в противоречие, утверждая, что стиль Н. А. Львова «покажется современному читателю, по меньшей мере, фривольным». Ниже он дает следующее, впрочем не весьма последовательное и убедительное, объяснение особенностей избранной Н. А. Львовым манеры повествования: «Было бы также неосновательно обвинять и Львова в стремлении щеголять в своем дневнике откровенным цинизмом, вовсе не свойственным к тому же его более чем буржуазным наклонностям и вкусам. Львов прибегал к некоторым особенно рискованным, на наш взгляд, определениям и сравнениям, вероятно, только потому, что они, с точки зрения людей XVIII века, могли лишь случайно переходить границы установленных ими приличий». ⁸

В написанной спустя много лет после статьи В. А. Верещагина книге Н. И. Никулиной, посвященной архитектурной деятельности Н. А. Львова в Петербурге, итальянская поездка упомянута всего один раз: «В устных преданиях семьи Львова долго хранилось воспоминание о том, что зодчий, будучи в Риме, пленился совершенством пропорций двух древних памятников — круглым в плане храмом Весты и пирамидой Цестия и говаривал, что, пока жив будет, исполнит мечту свою сочетать оба поразивших его архитектурных образа в одной композиции». ⁹

В беллетризованном жизнеописании Н. А. Львова, принадлежащем перу А. Н. Глумова, пребыванию в Италии целиком посвящена четвертая глава. Не обладая необходимыми документальными материалами, автор книги выдвинул следующее предположение о целях путешествия 1781 г. (по его мнению, второго по счету в эту страну): «Судя по записям, Львов выполнял чье-то поручение осмотреть картинные галереи в Италии, быть может, закупить что-либо. По всей вероятности, распорядилась направить его в Италию императрица, озабоченная расширением коллекции Эрмитажа...

Что это его вторичная поездка в Италию, узнаем уже на первом

⁷ Там же. С. 151.

⁸ Там же. С. 153—154.

⁹ Никулина Н. И. Николай Львов. Л., 1971. С. 74.

листе: «В Ливурну в другой раз приехал, 1781-го года, июля 7-го», далее такая же запись, касающаяся Ватикана и Флоренции». ¹⁰

Ниже А. Н. Глумов излагал содержание дневника, не стремясь критически проверить информацию, содержащуюся в нем, или хотя бы соотнести ее с существующими описаниями таких всемирно известных коллекций, как галерея Уффици (Galleria degli Uffizi) во Флоренции и Музей истории искусств (Kunsthistorisches Museum) в Вене, что привело биографа Н. А. Львова к ряду несообразностей. Так, «Голова медузы» неизвестного фламандского художника XVI в. приписана П. Перуджино, а в качестве местонахождения знаменитых картин Рубенса указан Бельведер (ныне они хранятся в Музее истории искусств в Вене) и т. д. Вместе с тем обширные цитаты из дневника и свободная манера повествования в значительной мере способствовали усилению интереса к этому документу и созданию представления о нем, более соответствующего действительности, чем то было ранее.

Для понимания «Итальянского дневника» Н. А. Львова, на наш взгляд, в первую очередь необходимо знание обстоятельств поездки 1781 г., ее целей, маршрута и длительности. Как представляется, в настоящий момент собранный материал дает возможность с достаточной полнотой ответить на эти вопросы. Сам дневник позволяет расширить список мест, в которых побывал русский поэт и архитектор, на что еще не обращали внимания исследователи.

В первую очередь это Рим. Различные ассоциации, связанные с «вечным городом», фиксируются в главках, посвященных Ливорно, Пизе и Флоренции, Вене: «...свод комнаты Ватиканской, где ученик его (т. е. Рафаэль, ученик Перуджино — К. Л. - Д.) написал лутче его стены, пожар троянской, а другие не помню» (л. 6).

«Славная картина Тицианова, украшающая ныне алтарь во дворце di monte Cavallo в Риме, представляющая торжество богоматери в Пизу <въезжающей>, свя<таго> Николая и свя<таго> Севастияна голаго с двумя или 3-мя еще фигур<ами> и лутчайшую фигуру мужскую кисти сего мастера...» (л. 6 об.).

«Сей груп (т. е. скульптура Микеланджело «Гений победы» — К. Л. - Д.) между множества посредственных и дурных кажется ривалем Лаокоону, будучи, однако, далеко от онаго» (л. 24).

«Гермафродит величиною против того, что nella Villa Borghese, но далеко отстал красотоми от онаго...» (л. 29).

«Рисунок школы афинской, за Рафаилов оригинал выдаваемый, но вялый почерк онаго не похож на те смелыя выработанныя рисунки, кои я видел в Риме; особливо на тот, что у князя Aldobrandini» (л. 32 об.).

«Адам, плачущий над убитым Авелем, раб<оты> Карл<а> Лота, коего манер очен подходит под первый черный манер Гверчина, как то в картине «Св. Петронилла» в церкви Madonna degli angeli в Риме» (л. 34 об.).

«Гинии добродетели dans la maison du Principe в Ескурияле,

¹⁰ Глумов А. Н. Н. А. Львов. М., 1980. С. 42.

другой в плафоне в Ватикане превосходят все древние статуи, которыми в юношеском возрасте имею» (л. 49 об.).

«В Вене у живописца Унтербергера, брата того живописца, которой работает ложи для дворца нашего, есть прекрасная картина Доминикова, причастия Св. Геронима изображающая, ея предпочитают даже той самой, что alla Madonna degli angeli in Roma...» (л. 78).

Думаем, из приведенных выше цитат достаточно ясно видно, сколь свежи были впечатления после встречи с сокровищами «вечного города» — ватиканских коллекций, виллы Боргезе, убранства церквей и т. д. Наша аргументация в пользу пребывания Н. А. Львова в Риме подкрепляется письмом дипломата, жившего в Риме и состоявшего на русской службе, советника И. Ф. Рейфенштейна С. Р. Воронцову. 26 июня (7 июля по н. стилю) он сообщал о недавнем отъезде Н. А. Львова из Рима.¹¹

Другим городом, который, несомненно, посетил Н. А. Львов, был Неаполь, блестящая столица королевства двух Сицилий, находившегося в зените своего могущества и великолепия. Длительное правление Фердинанда IV Бурбона (с 1759 по 1825 г.) было ознаменовано культурным и экономическим расцветом государства. Красота Неаполитанской бухты, чаровавшая художников и поэтов, породила крылатую фразу «Увидеть Неаполь и умереть», которую цитирует и Гете в своем «Итальянском путешествии». В политическом отношении Неаполитанское королевство в начале 1780-х гг. было наиболее могущественным на Апеннинском полуострове, его связи с Россией были весьма значительны.¹²

Наиболее ярким было впечатление Н. А. Львова от встречи с неаполитанским театром — посетив во Флоренции театр «Пергола»,¹³ он вспоминает представление на сцене «Сан-Карло»¹⁴ в Неаполе, поразившее русского путешественника своим великолепием и мастерством участвовавших в нем актеров. При его описании он в порыве воодушевления переходит на итальянский язык (л. 18—19):

«Il teatro nuovo¹⁵ из новейших театров полюбился мне столько, сколько может понравиться посредственная вещь между дурными. Quello poi della pergola non è cattivo ma non l'apparenza di questo, e se io non avessi veduto il grande teatro di St. Carlo a Napoli direi che

¹¹ Архив князя Воронцова. М., 1883. Т. XXIX. С. 322.

¹² Сибирева Г. А. Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981.

¹³ Основан академией «Имобили» 12 июля 1652 г. Построен по проекту Ф. Такка (1652—1656). Первое представление состоялось 26 декабря 1656 г. Существует по сей день.

¹⁴ Торжественно открыт 4 ноября 1737 г., в день имени короля Карла III Бурбона. Здание театра «Сан-Карло» возведено по проекту А. Карацале в 1737 г. за 8 месяцев.

¹⁵ «Новый театр» (ит.). Под таким названием в Неаполе существовал в 1724—1934 гг. театр, основу репертуара которого составляли оперы-буфф. На одном из его представлений Н. А. Львов также побывал в 1781 г., однако отсутствие опубликованного репертуарного списка за это время не позволяет уточнить, на каком именно.

ил театр новуò è ил пюò белло д'Италия, ма veder quello di Napoli, e vederlo per bona fortuna luminato è una cosa da stupirsi in verità e poi vederlo decorato col ballo di Pic e della Rossi, col canto di Consolini e della Carrara, non si pensa пюò ai difetti vedendo tanta perfezione — la leggiadra, ia gentile Bassi degna emula della Rossi ha il volto di Venere sul corpo della Euterpa la sveltezza della ninfa dell'aria e chi пюò è la castità della dea di Caccia. Oh! del trovar l'onestà a Napoli, sul teatro, quanto fragile è l'trono di questa divinità, costretta di cercarsi qualche posto essendo vanità della corte e della città si nascose sotto la giupa della bella Bassi degna mille volte di nascondere sotto la giupa sua qualche altro ucello men rado e пюò convenevole a una sacerdotessa del tempio di piacere». <«Театр «Пергола» неплох, но не внешним видом, и если бы я не видел грандиозного театра «Сан-Карло» в Неаполе, я бы сказал, что «Новый театр» — самый красивый в Италии; но зрелище театра в Неаполе, да еще по счастью освещенного, — это нечто изумительное; если же видишь его к тому же украшенным танцем Пика и Росси, пением Консолини и Каррара, то уже больше не думаешь о недостатках при стольких совершенствах. Грациозная, изящная Басси, достойная соперница Росси с лицом Венеры и телом Евтерпы, обладающая легкостью сильфиды, кто лучше изобразит целомудрие Дианы? О! Найти целомудрие в Неаполе, в театре, сколь непрочен трон этого божества, вынужденного искать себе убежища среди суеты двора и города, укрывшегося под одеждами Басси, в тысячу раз более достойной скрывать под одеждами какую-либо менее редкую птицу, более приличествующую храму наслаждения»>.

Упомянутые Н. А. Львовым актеры достаточно известны, и поэтому было нетрудно найти о них различные по полноте данные в музыковедческих справочниках. «Пиком» Н. А. Львов называет знаменитого французского балетмейстера и танцовщика *Шарля Лё Пика* (1749, Страсбург—1806, Петербург). Впервые он был ангажирован театром «Сан-Карло» в 1773 г., откуда в 1776 г. вернулся в Париж. В 1781—1782 гг. он вновь работал в Неаполе. В 1786 г. Лё Пик переехал в Петербург (не сыграла ли при этом какую-либо роль высокая оценка его искусства Н. А. Львовым?), где возглавлял придворный балет вплоть до последних дней своей жизни. Уже в Петербурге Лё Пик женился на *Гертруде Росси*, вместе с которой ранее он неоднократно выступал в Европе. Певец-сопранист *Томазо Консоли* (1753, Рим—1810, Рим), друг Моцарта, был приглашен к русскому двору в 1783 г. с предложением огромного содержания в 5000 рублей. *Агата Каррара* пела в «Сан-Карло» в 1780—1781 гг. *Джованна Маргарита Басси* (1765, Париж—после 1794) в 1783 г. была приглашена в качестве солистки из Неаполя в Королевский театр Стокгольма.

Персональное упоминание актеров, участвовавших, по всей видимости, в одном и том же представлении, позволило соотнести их имена с вполне определенным спектаклем, состоявшимся в Неаполе 19(30) мая 1781 г. В репертуарном списке театра «Сан-Карло» под этим числом значится следующее представление:

«Опера.

Г. Гадзанига «Антигона».

Исполнители: А. Каррара (Антигона); Р. Занетти (Гермиона); А. Прати (Креонт); Т. Консоли (Еврисфей).

Постановка К. Камерини.

Сценография Г. Магри, костюмы А. Буонкоре.

Балет.

«ОРФЕЙ И ЕВРИДИКА» (возможно, на музыку К. Глюка).

Хореография Ш. Лё Пика.

Сценография Г. Магри, костюмы А. Буонкоре.¹⁶

Сезон в театре «Сан-Карло» начинался обычно весной, после Великого Поста, так что представление, на котором побывал Н. А. Львов, открывало новый сезон и потому, видимо, отличалось особенной пышностью.

Из «Итальянского дневника» явствует также, что русский путешественник осмотрел собрание живописи в королевском дворце Каподимонте (возведен в 1738—1834 гг. по проекту Дж. А. Медрано). Здесь в 1759—1806 гг. экспонировалась коллекция Фарнези (Museo Farnesiano), перемещенная сюда в 1737 г. из Пармы. В 1798 г. французы вывезли ее в Рим, и лишь после наполеоновских войн коллекция, сильно поредевшая, была возвращена в Каподимонте. О том, что видел здесь Н. А. Львов в 1781 г., можно достаточно хорошо представить по весьма подробным записям римлянина Томмазо Пиччини, посетившего Каподимонте в 1783 г.¹⁷

Помимо упоминаний в тексте дневника римских и неаполитанских реалий для восстановления маршрута 1781 г. важны рисунки, делавшиеся в дневнике с натуры. Почти все они датированы и фиксируют пребывание Н. А. Львова в следующих точках: Пиза («Вид из окна графа Моцениго по реке Арно к стороне Ливурны 1781-го июля 9-го», л. 99 об.), Флоренция («Июля 25 н. с. 1781 в день св. Якова al corso dei navicelli»,¹⁸ л. 97 об.), в Венеции близ острова Святого Георгия («Isola di St. Giorgio di alega¹⁹ 1781 июля 17», л. 96), городок Пирано на берегу Адриатики в Истрии («Pirano, 1781 21-е июля с моря», л. 95). Эти указания вместе с краткими записями о выезде и возвращении Н. А. Львова в пределы Российской империи позволяют восстановить маршрут 1781 г. и уточнить его цель: в «Сообщениях о проезжающих через границу Рижскую и Ревельскую» в Архиве внешней политики России в Москве содержатся следующие пометы: «4 <мая 1781 г.> <...> курьером в Варшаву и Вену советник посольства Николай Львов»,²⁰ «14 августа 1781 <...> из-за границы курьером посольства советник

¹⁶ Il Teatro di San Carlo: La cronologia 1737—1987 / A cura di Carlo Marinelli Rosconi. Napoli, 1987. V. 2. P. 79. За помощь, оказанную при разысканиях о пребывании Н. А. Львова в Неаполе, приношу благодарность Джованне Мораччи.

¹⁷ Mazzi C. Tommaso Piccini: un provinciale «cosmopolita» // Bollettino d'arte. 1986. № 37—38. P. 1—31.

¹⁸ Во время лодочного состязания (ит.).

¹⁹ Остров Св. Георгия с воды (ит.).

²⁰ АВПР, ф. ВКД, д. 3505, л. 40 (дублируется на л.8).

Николай Львов с находящимися при нем...»²¹ Приношу также благодарность А. Б. Никитиной, сообщившей мне следующую выписку из отчета Кабинета ее императорского величества от 18(29) мая 1781 года: «Генрал-майору Безбородко за отправление курьеров в Вену и в Италию 3150 р.». Исследовательницей установлено также, что в письме от 18 июня (ст. стиль) Д. М. Голицын, тогдашний посланник в Вене, сообщал А. А. Безбородко о получении письма «от 26 числа прошедшего апреля через советника посольства господина Львова», а в другом письме, от 3 августа 1781 г., он сообщал, что, «пользуясь возвратом из Италии через здешний город проездом господина советника посольства Львова, посылает через него партикулярную свою реляцию».²²

Таким образом, 4(15) мая Н. А. Львов пересек границу России с Польшей и вскоре был в Варшаве, а затем в Вене. Через Флоренцию, Ливорно²³ и Рим он с депешами проехал в Неаполь, где 19(30) мая присутствовал на спектакле в театре «Сан-Карло». Выполнив курьерское поручение, как и в других аналогичных случаях, Н. А. Львов не спешил возвращаться в Россию.²⁴ Более месяца он пробыл в столице королевства двух Сицилий и в Риме. 7(18) июля в Ливорно он стал вести дневник, сначала это были записи, имевшие некоторое прагматическое предназначение, — находясь в доме английского консула Дж. Удни (Giovanni Udny, как его называют в итальянских документах), русский путешественник решил зафиксировать, какие именно полотна есть у этого дипломата, зная, что он занимается посредничеством в торговле картинами. Попутно для памяти Н. А. Львов делает заметки об архитектурных памятниках — таковы краткие описания собора, батистерия и колокольни в Пизе, сделанные, по-видимому, уже в следующем городе. 9(20) июля в Пизе зарисована набережная Арно с видом на церковь деи Спини (Chiesa dei spini) из дома графа Дмитрия Моцениго, русского поверенного при тосканском дворе в 1778—1793 гг. 10(21) июля утром Н. А. Львов выехал из Пизы и в тот же день был во Флоренции.

Главка, посвященная этому городу, начинается с краткого описания архитектурных достопримечательностей и галерей, которое оказывается внезапно прерванным описанием крестного хода и традиционных скачек, проходивших на соседних улицах (единственное вторжение свободной жизненной стихии в дневник, посвященный предметам искусства):

«Приедучи на улицу del Duoto нашли мы ея наполненную людьми, ожидающими с нетерпеливостью чего-то, вдруг после трубного сигналу увидели мы шесть лошадей без седоков, без узд

²¹ Там же, л. 71 (дублируется на л. 74 об.).

²² РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2, № 3896.

²³ Пометы «в другой раз» в дневнике Н. А. Львова свидетельствуют лишь о том, что он побывал в них по пути на юг. Нет также никаких оснований говорить о посещении Н. А. Львовым Италии до 1781 г.

²⁴ О курьерских поездках Н. А. Львова в 1770-х гг. в Англию, Испанию, Францию, Германию и Польшу см.: Лаппо-Данилевский К. Ю. Новые данные к биографии Н. А. Львова (1770-е годы) // Рус. литература. 1988. № 2. С. 135—142.

— бегущих одна за другою из одного конца улицы в другой, та, которая скорее прибежит к мете, выигрывает хозяину своему кусок материи, от 15-ти до 20-ти черв<онцев> стоящий; но всего любопытнее было, что в самое сие время по другой улице, лежащей параллельно с Корсом, неистовая попы для сегоднешнего праздника Магдалены делала другой бег, со свечами, с кадилами, с крестами, с богородицею наряженною. Я был в переулке, соединяющем поперек две улицы, и свободно мог пользоваться и тем и другим зрелищем. Признаюсь, что, видя с одной стороны без узды бегущия в бешенстве, но в молчании лошадей, с другой — тму рознообразных беснующихся толстогласно попов, ничего так не желал, чтобы концы параллельных улиц, соединясь, заставили моих необузданных встретиться. Я видел тут, сколько скоты исправнее попов в своей должности, многие из последних чрез переулок в рясах убежали, оставляя крестной ход тогда, когда ни одна лошадь с своей дороги до самой меты своей не свернула» (л. 16 об.—17 об.).

Центральным событием итальянского путешествия стало посещение Уффици, впечатление от этой художественной галереи, как явствует из дневника, было потрясением, событием большого внутреннего значения. Записи Н. А. Львова бессистемны, об одних и тех же картинах он писал по нескольку раз, возвращался к ним, считая необходимым еще раз поверить бумаге свои мысли (так было, например, со знаменитой «Венерой Урбинской» Тициана). Краткие описания разрастаются в обширные характеристики, порой пристрастные и напоминающие, скорее, суждения художественного критика.

16(27) июля помечена краткая главка, посвященная Болонье. Н. А. Львов лишь упоминает о том, что он побывал в университетском музее, в церквях Св. Петрония, Св. Петра и Мадонны Св. Луки — большая часть текста представляет собой подробное описание двух частных коллекций, принадлежавших сенаторам Сампьеры и Ф. Капрара. Оно, скорее, напоминает сжатый перечень, однако и здесь русский путешественник подчас не удерживается от того, чтобы выразить собственное отношение к виденным картинам.

Полстраницы занимает описание пребывания в Венеции, чему, на наш взгляд, две причины. Во-первых, эти строки, как представляется, написаны уже в Вене; тем же объясняется сбой в календарных датах — за один день от Болоньи до Венеции в XVIII столетии вряд ли можно было добраться (над текстом указано 17 июля).

Во-вторых, Н. А. Львов видел Венецию, как нам кажется, только с борта корабля — имеется указание лишь о его высадке на острове Мурано, известном своим стекольным производством: «Мы были на острове Муран, где делают множество хороших всякого рода стекол и где я купил цветныя обрашки. В другом месте на том же острове продаются smalti разных родов» (л. 62 об.).

По Адриатике Н. А. Львов совершил, видимо, водное путешествие, и, высадившись на северном побережье, 29 июля (10 августа) уже был в Вене. Здесь он четырежды обращался к дневнику — 29 и 30 июля, 2 и 3 августа (т. е. 10, 11, 13, и 14 августа н. ст.). Это подробное описание живописи в Бельведере (ныне находится в

Музее истории искусств в Вене), лирическое стихотворение, помета о картинах, которые есть у живописца И. Унтербергера, и страничка, посвященная встрече с П. Метастазियो. Как и в других случаях, мы ничего не узнаем об «официальной стороне» путешествия. Посещение русского посланника в Вене осталось бы нам неизвестным, если бы не цитированное выше письмо Д. М. Голицына к А. А. Безбородко от 3(14) августа 1781 г. Наконец, 14(25) августа Н. А. Львов пересек границу Российской империи и вскоре прибыл в Петербург. Такова внешняя, событийная канва путешествия 1781 г. — возможность посетить Италию в качестве курьера, т. е. за счет казны, была предоставлена поэту благодаря его покровителю А. А. Безбородко. Это не была специальная поездка для ознакомления с итальянскими достопримечательностями, однако, как и в других случаях (достаточно вспомнить длительное пребывание Н. А. Львова в Париже с февраля по май 1777 г.), он смог максимально использовать предоставившуюся ему возможность, чему в значительной степени способствовали знание итальянского языка и широкие знакомства в среде итальянских художников и музыкантов, живших в Петербурге.

Как уже указывалось, артоцентризм является основной чертой дневника 1781 г.; кроме того, Львов начал вести его уже на обратном пути в Россию. Весьма показательно поэтому, что в нем не нашел отражения факт встречи с Е. Р. Дашковой в Пизе, о котором она упомянула в своих записках: «Через несколько дней я действительно послала их (план и устав госпиталя. — К. Л.-Д.) к государыне с Львовым, возвращавшимся в Петербург. Я написала императрице письмо, в котором, надеясь на ее снисходительность, сказала, что я восемь месяцев тому назад писала военному министру князю Потемкину, чтобы отрекомендовать ему моего сына...»²⁵

Укажем также, что в Пизе Е. Р. Дашкова жила в доме графа Дм. Моцениго,²⁶ из окна которого Н. А. Львов, как уже упоминалось выше, сделал один из своих рисунков. «Записки» Дашковой важны для нас не столько тем, что она посетила Италию в том же 1781 г., сколько подробным описанием людей, с которыми она там встречалась. Все они в той или иной степени были связаны с русским двором или пользовались известностью среди европейской интеллигенции XVIII столетия. Кроме того, они позволяют понять, что показывалось туристам того времени в первую очередь, что считалось наиболее примечательным. «Записки» Дашковой, таким образом, дают дополнительную информацию о том, о чем Н. А. Львов умолчал, что он опустил как второстепенное.

Поэтому, возможно, среди лиц, с которыми Н. А. Львов встречался в Риме, были и знакомые Дашковой — французский поэт и дипломат кардинал Франсуа Берни, шотландский архитектор, археолог и антиквар Джеймс Байерс, английский художник Гевин Гамильтон, испанский дипломат и литератор Х. Н. Азара (одну из его

²⁵ Дашкова Е. Р. Литературные сочинения / Сост., вступ. ст. и примеч. Г. Н. Моисеевой. М., 1990. С. 162.

²⁶ Там же. С. 159.

книг Н. А. Львов цитировал в своем переводе Анакреона 1794 г.). Достоверно известно лишь о его встречах с И. Ф. Рейфенштейном и одним из представителей древнего рода Альдобрандини.

В Неаполе Н. А. Львов согласно своему дипломатическому поручению виделся с русским посланником при дворе королевства двух Сицилий графом Андреем Кирилловичем Разумовским — позже он проектировал для этого просвещенного вельможи дом в Москве.²⁷ Возможно, он также познакомился с английским дипломатом и знатоком античности Вильямом Гамильтоном, неаполитанским государственным деятелем Фернандо Галиани и английским скульптором Анной Деймер. Интересно, что Гете, посетивший Рим и Неаполь в 1787 г., завязал знакомство со многими из тех, с кем встречались Е. Р. Дашкова и Н. А. Львов (Иоганн Рейфенштейн, Вильям Гамильтон и др.).²⁸

В 1781 г. в Неаполитанском королевстве были еще памяты события года предыдущего, обильного несчастьями, — 5 февраля 1780 г. в полдень началось землетрясение в Калабрии и Сицилии, новые толчки повторились 28 марта — стихийное бедствие унесло 2 тысячи человеческих жизней, разрушило 18 городов. Несмотря на принятые правительством меры, в стране начались эпидемии. Лишь к весне 1781 г. положение мало-помалу нормализовалось — остается лишь гадать, насколько русские путешественники были в курсе происшедшего.

Особенного внимания заслуживает вопрос о посещении Н. А. Львовым Помпеев, хотя он нигде не упоминает об этом. После начала раскопок в 1748 г. по распоряжению Карла III Бурбона Помпеи приобрели всеевропейскую известность, стали местом паломничества знати и интеллектуалов (Дашкова и Гете посетили и внимательно осмотрели знаменитые руины).

Завершая данную работу, хотелось бы указать, что дневник Н. А. Львова представляет, с одной стороны, несомненный интерес для историков итальянской живописи — в нем перечислены полотна трех частных коллекций XVIII в. (Дж. Удди в Ливорно, сенаторов Сампьеры и Каправа в Болонье),²⁹ впоследствии расплывшиеся. Описание собраний Флоренции и Вены вряд ли имеет подобное значение — эти галереи еще в XVIII столетии были каталогизированы, и изменения в их составе тщательно фиксировались. Вместе с тем именно эта часть дневника дает бесценный материал для характеристики воззрений самого Н. А. Львова, причем, отметим сразу, наибольший интерес представляют именно частные замечания. На-

²⁷ Андреев А. К. Дом Разумовского в Москве — последнее произведение архитектора Н. А. Львова // Проблемы синтеза искусств и архитектуры. Л., 1975. Вып. 5. С. 43—59.

²⁸ См. «Итальянское путешествие» Гете, а также книгу: Goethe in Italien. Mainz, 1986.

²⁹ Именно они представляют наибольшие трудности при комментировании дневника, ибо, как показывает мой опыт идентификации картин в галерее Уффици, большинство атрибуций Н. А. Львова (как и атрибуций его эпохи) не соответствуют действительности.

пример, общие рассуждения о трех периодах творчества Рафаэля (л. 46—49 об.), цитировавшиеся и анализировавшиеся В. А. Верещагиным и А. Н. Глумовым, не являются оригинальными: по-видимому, это повторение тех общих мест, которые твердили туристам флорентийские чичероне. Достаточно взглянуть в путеводитель по Уффициам, опубликованный в 1783 г.,³⁰ чтобы обнаружить в нем те же идеи о трех этапах развития живописного искусства Рафаэля. Исчерпывающий анализ художественных вкусов и пристрастий Н. А. Львова на материале «Итальянского дневника» ждет еще своего детального исследования — в настоящей работе мы не ставили перед собой такой цели. Давно назревшей научной задачей, на наш взгляд, является также полное издание «Итальянского дневника» с обширными искусствоведческими комментариями.

³⁰ См.: Description de la Galerie Royale de Florence/Par M. François Zaccherolli Ferrarois. A Florence, 1783. P. 31—37.